

Теодора Янници,

*Кандидат исторических наук Московского государственного университета
им. Ломоносова,*

директор Греческого Культурного центра г. Москвы (www.hecucenter.ru)

***«Греция-Россия: Общие страницы истории . - Эллинизм и филэллинизм в
России: прошлое, настоящее и будущее».***

*Прекрасный климат, богатство
произведений, выгодное положение для
торговли и знаменитые происшествия
Древней Греции всегда будут привлекать на
острова Архипелага любопытных
путешественников и обращать внимание
политиков.*

*В.Б.Броневский, офицер
российского Флота, участвующий в 3-й
Средиземноморской экспедиции российского
флота под руководством Д.Н. Сеньявина в
период с 1805-1807гг.*

Данное высказывание упоминает в своих мемуарах офицер российского флота Владимир Броневский в отношении Греции, принимавший участие в операциях офицеров флота в Средиземном море (Эгейское и Ионическое моря) под командованием вице-адмирала Д.Н. Сеньявина в период с 1805 по 1807 гг.

Трудно переоценить масштаб, значимость, мощь, величие и потенциал в общей истории двух наших миров, соприкосновение которых, с исторической, культурно-географической точек зрения, берет свое начало еще в мифологии, а развивается в исторической реальности. Девятый подвиг

Геракла приводит героя к реке Фермодонт, где он должен получить с помощью Тесея и Теламона пояс Ипполиты, царицы амазонок. Прометей прикованный на Кавказе, Ясон, экипаж Арго и поход аргонавтов, назвавших негостеприимное черное море гостеприимным - «Понтом Эвксинским», основание греческих колоний сразу после Троянской войны, таких как Синоп, Трапезунд, Амисос, Одесса, Глубокая Гавань Диоскурия, Пицунда, Археополис, Триполи, Амасия, Пантикапей, Херсонес, Борисфен, Тира, Ольвия, Борисфенида, Тирас, Керкинитида, Калос-Лимен, Феодосия.

В последствии, со средних веков и позже, с периода первых торговых сношений, знаменитого «Пути из варяг в греки», и принятия христианства на Руси у Византии, с крещение Великого киевского князя Владимира и его венчания в Херсонесе на византийской принцессе Анне, катализаторский момент в истории, наши миры объединяются на века, наша историко-духовно-культурно-цивилизационная общность обретает навсегда непоколебимые узы.

За эти следует постоянный приезд в русские земли греческих ученых, богословов, иконописцев (среди которых следует упомянуть Фотия Манемвасиота, облачение которого украшают экспозицию Оруженной Палаты, иконописца Феофана Грека, Архиепископа Арсения Элассонского, смотрителя Архангельского собора при Иване Грозном, венчание в 1472 году в Успенском Соборе Софии-Зои Палеолог на Великом Московском Князе Иване Третьем, при сыне которых, при Василием Ивановичем, двуглавый орел стал гербом Московского княжества, создание в 1687 греческими братьями Иоаникием и Софронием Лихуди Славо-греко-латинской академии, первого высшего учебного заведения Москвы, деятельность на Руси греков-просветителей, таких, как Никифор Феотоки, Евгений Булгарис и др. , русско-турецкие войны XVIII столетия, в ходе которых греки активно поддерживали Россию, Чесменское сражение 1770 года, расселение греческого населения в основном на юге Российской империи после присоединения Тавриды к России в 1783 году, где греки пользуются большими льготами и привилегиями, создание в 1800 году Ионической Республики семи островов, фактически первого независимого греческого государственного образования, адмиралом Федором Федоровичем Ушаковым, Средиземноморская экспедиция адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина в период 1805-1807 гг. (неизвестного в греческой историографии),

в ходе которой в морских битвах при Афоне и Дарданеллах в мае и в июне 1807 года соответственно в очередной раз российский флот громил османский флот, создание в Одессе в 1814 году Дружественного Сообщества-Филики Этерии, активное участие российской дипломатии в решении греческого вопроса, легендарное Наваринское сражение в октябре 1827 года, когда соединенный англо-франко-русский флот уничтожил турецко-египетский, русско-турецкая война 1828-1829 гг. (победа России, Андрианопольский мирный договор от 14.09.1829, по которому Россия обязывала Порту предоставить автономию Греции, в развитие чего несколько месяцев спустя, в январе 1830 года, в Лондоне был подписан Протокол о создании независимого греческого государства, Протокол Независимости) – вот некоторые из важных вех совместного исторического пути двух православных народов.

Уже самые ранние описания путешествий в Грецию достаточно четко определяли то общее начало - православную веру, - которая неизбежно обуславливала изначально благожелательное общее настроение русских и греков по отношению друг к другу. Эти черты греческого народа достаточно характерно отмечает в своих описаниях киевский монах Василий Барский, который в 1723-1747 гг. предпринимает путешествие по святым местам, в число которых, естественно, попадают и греческие христианские церкви и монастыри. Барского поражает тот чрезвычайно теплый прием, который русским путешественникам оказывает греческое население практически везде, видя в них, прежде всего, своих единоверцев. Так, когда он со своими попутчиками оказался на острове Корфу практически без средств к существованию, местные церковные деятели помогли оформить разрешение, чтобы «эти странные путники из стран Российских» собирали на острове милостыню и даже дали им в сопровождение греческого иеромонаха Афанасия. Когда же русские странники «собрали немалую милостыню», весть об их прибытии уже разнеслась по всему городу и греки даже соперничали, кто из них первый пригласит русских странников к себе

домой.¹ Характерно, что именно в церквях и монастырях, которые посещали русские паломники, и происходило их знакомство с греческим населением.

Воспоминания путешественников изобилуют свидетельствами того, что греки именно в русских зачастую видели возможность избавления от религиозных притеснений со стороны турок. Уже упоминавшийся выше Хметевский, например, описывает, как группа представителей высшего духовенства ряда греческих островов Эгейского моря направила в феврале 1771 года послание на имя императрицы Екатерины II и графа Алексея Григорьевича Орлова, командовавшего русской эскадрой, с просьбой взять под опеку и покровительство «всех греческого исповедания благочестивых христиан».² Однако более важным представляется то, что сходные настроения были распространены не только среди высшего духовенства, которое, несомненно, было более искушенным в делах политических, но и среди простых верующих. Российский офицер, участник 3-й средиземноморской экспедиции под руководством Дмитрия Николаевича Сенявина 1805-1807 гг. Владимир Бронеvский описывает несколько случаев, когда простые греки при встрече с русскими просили помочь избавиться от религиозного притеснения турок. Приведем лишь одно характерное описание из его воспоминаний о посещении российскими кораблями острова Имврос:

Каждый турок-начальник селения требует подарок. За свободу богослужения начальник острова иногда требует произвольную подать. Если тотчас не внесут ее, приказывает ломать церковь. Это несчастье случилось и с здешними жителями.

¹ Путешествие Василия Григоровича Барского к святым местам в Европе, Азии, Африке. Ч. 1. СПб., 1778. С. 118–119.

² Журнал Степана Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии. Современник. Т. 49. № 1. СПб., 1855. С. 63–64.

Не знаю, почему думал священник, будто бы я имею право позволить жителям восстановить церковь. Он в длинной речи изъясил свое прошение. ...Я удивился, но имея в мысли внушения начальства - «сколько можно снисходительно обходиться с греками» - и при том полагая, что отказ мой не будет им понятен (ибо не только офицера, но и простого солдата почитают они существом гораздо их превосходнейшим) я дал мое согласие и вынужден был идти с народом туда, куда меня повели.³

Однако даже когда греки не могли непосредственно помочь русским и принять участие в боевых действиях, они радовались успехам русских войск и поражениям турок. Лейтенант русского флота Сергей Плещеев описывает, как во время его поездки на Ближний Восток в 1772 году было получено известие о начале новых боевых действий российского флота против турок. По его словам, это известие вызвало взрыв восторга у греческого населения: «Народ весьма радовался, ибо они все считают себя счастливыми, что помогают россиянам против турок».⁴

Плещеев пишет, как был немало удивлен, когда во время его пребывания на Ближнем Востоке, «одетая по-турецки» представительница богатой семьи, общаясь с ним, вдруг выразила восторг по поводу успехов российского флота в Средиземном море. Однако, на его удивление,

³ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. СПб, 1819. С. 36. Также см.: С.48.

⁴ Плещеев С.И. Дневные записки путешествия из архипелажского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящихся. СПб, 1773. С. 69.

девушка, несмотря на свою внешность и свободное владение турецким языком, оказалась гречанкой, ненавидевшей турок. «Дай бог им (русскому флоту - Ф.Я.) столь благополучно продолжить удачные доселе свои завоевания, освободить из жестокого плена единовѣрных, а паче наших сестер, хуже скотов гнусными турками содержимых», - так гречанка реагировала на известия о русских победах.⁵

Практически в каждом воспоминании русских путешественников, участвовавших в военных действиях против турок, содержится немало примеров, когда греки помогали в борьбе с турками. Приведем лишь одно из таких описаний о событиях русско-турецкой войны 1768-1774 гг., принадлежащее офицеру российского флота Матвею Коковцеву и достаточно характерно отражающее мнение российских путешественников о греках:

Во время пребывания российского флота в архипелаге, ободряемые российским оружием, явили они знаки отличной храбрости. Самые малые их суда при нападении турецких галер лучшие жглись, нежели соглашались отдаться в плен неприятелю. Нерегулярные войска из них набранные ... при высаживании их на берег показывали всегда отличное мужество, их оживляющее. Ипсариоты, Миконцы и прочие островитяне вооружали небольшие суда ..., которые при помощи российского флота не только множество турецких купеческих кораблей пленили, но, выходя часто на берег, опустошали селенья.⁶

Народная дипломатия российских военных принесла свои плоды. Практически во всех местах, куда прибывала российская эскадра, ее радостно встречало греческое население. По воспоминаниям вышеупомянутого

⁵ Плещеев С.И. Дневные записки путешествия из архипелажского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящихся. Спб., 1773. С. 75.

⁶ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и Варварийского берега. Спб., 1786. С. 40, С. 71-72.

Владимира Броневского в апреле 1807 г. на острове Имбро греки «с радостью предложили, хотя не многое, но все, что они имели, не требуя платы...»⁷, а на острове Самосе, вскоре после Дарданельского сражения, «толпа народа или лучшие весь город шел за нами. На площади у фонтана девицы.....оставляя свои кувшины, подносили нам букеты цветов»⁸.

В результаты греки стали во многом отождествлять себя с Россией, а свою борьбу за независимость тесно связывать с походом Сенявина и присутствием российской эскадры в Средиземноморье. Свиньин так описывает реакцию жителей Идра на прибытие российского флота: «Тотчас же присланы из города депутаты поздравить Адмирала с благополучным прибытием; между прочим они сказали: «все греки, в коих еще тлеется искра чести – готовы умереть за свободу и любовь к России»⁹. Немало сходных описаний можно найти и у Броневского: «В пылком усердии преданности своей к России, Греки снова и торжественно заклились, пролить за Русских последнюю каплю крови».¹⁰ Часть греков даже начинают воспринимать Россию как свою вторую родину. Так, по воспоминаниям Броневского, по завершении Афонского сражения во время переговоров о мире с турками и подготовки возвращения российской эскадры на Корфу, греческое население Тенедоса разъехалось по островам, где нет турок (поскольку после осады турки порубили фруктовые деревья и истребили большую часть виноградников). Многие греки, при этом, «вступили в верноподданство и отправились в Корфу в ожидании удобного случая для переезда в Россию»¹¹.

Однако наиболее ярким описанием итогов экспедиции в плане установления межличностных контактов между греческим и русским народами в ходе российской военной экспедиции Сенявина и роли самого адмирала в укреплении этих связей могут служить сцены прощания с русской эскадрой на острове Корфу. Вот как описывает происходившее офицер Павел Свиньин:

⁷ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. СПб., 1819. С.35.

⁸ Там же, стр. 72.

⁹ Павел П. Свиньин: «Воспоминания на флоте». Ч. 2. СПб, 1819г., стр. 8.

¹⁰ Владимир Б. Броневский «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина от 1805 по 1810 год», Ч. 3, СПб., 1819г., стр. 124

¹¹ Там же, стр. 168-169.

Нельзя было без умиления взирать на трогательное зрелище, поразившее нас, когда ... Адмирал пошел поклониться в последний раз благодетельствовавшим нам мощам Св. Спиридона. Не только улицы, но все окна, крыши домов покрыты были народом, кланяющимся и всеми образами приветствующим Сенявина. Толпа шла по следам нашим и дожидалась во все время прощального обеда нашего... Она провожала нас до самой пристани, которую нашли мы также покрытою народом. Все хотели проститься с Сенявиным, обнять его. Добрые, признательные греки на сию минуту забыли горящую им опасность и в излиянии сердец своих показали, сколь они почитают обязанными Адмиралу за счастье и свободу, коими они наслаждались во все время его начальствования. Сенявин не мог быть равнодушен, слезы покрыли гордые ланиты его – я плакал как ребенок. В первый раз полюбил я всею душою Корфиотов; в первый раз почувствовал, что мне жаль расстаться с ними, как с близкими родственниками. С немалым также удовольствием видел я печаль жителей при расставании с солдатами нашими. Они прощались как друзья, плакали, уверяли друг друга в дружбе, в признательности и несмотря на то, что объяснялись на едва понятном диалекте, наши на худом итальянском и греческом, а корфиоты - на плохом русском, но разговоры их право были красноречивы. Не делает ли сие большой чести нашим воинам? Покорять сердца важнее и славнее, чем покорять государства.¹²

Весьма сходное описание, полное самых теплых чувств и эмоций, мы находим и у Броневского:

Прощанье жителей с нашими солдатами, искреннее свидетельствовало народной к нам любви, ни какое перо описать не может. Когда войска остановились у церкви

¹² Павел П. Свинын: «Воспоминания на флоте». Ч. 2. СПб, 1819г. , стр, 233-235.

Св. Спиридония для принятия благословения в путь, духовенство от всех церквей в черном облачении вышло с крестами и святою водою. Протопоп подав хлеб и соль Генералу Низтмову, начал речь, но зарыдал, залился слезами и не мог продолжать. Ударили в барабаны, войска тронулись и пошли к пристани. Не только улицы, площадь, но все окна, крышки домов покрыты были народом, который в излиянии признательности своей забыл на сию минуту, что он такую откровенностью раздражает новых своих властителей (т.е. французов). С балконов сыпались на солдат цветы, иногда печальное молчание прерывалось гласом признательности и благодарности. У пристани, когда солдаты садились на гребные суда, каждый прощался со своим знакомым, просили не забывать друг друга, обнимались и плакали. <...>Я в первый раз увидел и поверил, что Корфиоты имели причину любить Русских, они подлинно без нас остались сиротами. Можно сказать, что Корфиоты и Катарцы были любимыми чадами России, которых мы покоили, берегли и ласкали, ни требуя от них никакого пожертвования.¹³

Когда в 1821 году в Греции началась революция, греки все в большей мере обращают взоры к России и видят в ее поддержке залог достижения успеха в борьбе с османским игом. Причем никогда до начала вооруженного восстания вопрос жизни и смерти не стоял так остро для греков. Оказавшийся почти в центре вооруженного противостояния русский паломник Кир Бронников, крепостной графов Шереметьевых, так описывает общественные настроения, царившие на острове Скопелос, находившемся недалеко от Афонской горы: «Жители все в великой находились печали, а особенно женский пол. Встречаясь с нами на улицах и не разумея русского языка, со вздохом сквозь слезы они нам говорили, о чем узнали мы через переводчика: если не поможет нам Россия, то мы греки все пропали». Правда, при этом он добавляет, что оставалась часть жителей острова,

¹³ Владимир Броневский «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина», Спб, стр. 185-186.

которые не разделяли такой точки зрения: «А иные и при таких тесных обстоятельствах не покидали своей гордости».¹⁴

•

НАВАРИНСКОЕ МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ

24 июня (6 июля) 1827 г. после продолжительной дипломатической борьбы по Восточному вопросу три великие державы того времени, Англия, Франция и Россия, подписали в Лондоне трехстороннее соглашение (Тройственный союз). Данное соглашение в основном подтверждает условия Петербургского протокола между Россией и Англией (23 марта / 4 апреля 1826 г.), в соответствии с которым две державы договорились содействовать созданию единого греческого государства, находящегося в вассальной зависимости от султана. Этот протокол по сути означал отказ от принципов Священного Союза и был первым документом, в котором употреблялось понятие «Греция», а греки признавались воюющей стороной. В тот момент Франция воздержалась от присоединения к Петербургскому протоколу, т.к. тесно сотрудничала с египетским правителем Мухаммедом Али, но после категорического отказа Порты решить греческий вопрос мирным путем присоединилась к трехстороннему соглашению, подписанному в Лондоне. Данное соглашение предполагало, в частности, применение силы или проведение акций устрашения. Военно-морские силы трех держав должны были пресечь переброску вражеских войск на греческие земли. Одновременно планировалось наладить торговые отношения с греками, а также назначить и направить в Грецию консулов. Отказ Порты подчиниться требованиям Тройственного союза сделал военное столкновение неизбежным, что привело к Наваринскому сражению.

Морское сражение состоялось 8 (20) октября 1827 г. в бухте Наварино (юго-западное побережье Пелопоннеса), где объединенный англо-франко-русский флот столкнулся с турецко-египетскими судами. Накануне союзнические корабли были отправлены в данный район для того, чтобы принудить турок и

¹⁴ Бронников К.И. Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах. М., 1824. С. 239.

египтян к перемирию. Это стало для турецкой стороны полной неожиданностью. Командующие союзническим флотом адмирал Эдвард Кодрингтон, возглавлявший английскую эскадру и всю экспедицию, вице-адмирал Анри де Реньи, стоявший во главе французской эскадры, и контр-адмирал Логин Петрович Гейден, командовавший русской эскадрой, решили направить флот в Наваринскую бухту, где базировался турецко-египетский флот под командованием Ибрагима-паши. Турецко-египетский флот насчитывал 89 кораблей с 2240 орудиями, в то время как весь союзнический флот состоял из 12 английских, 8 русских и 7 французских кораблей с 1324 орудиями.

Наваринское сражение, названное многими историками «счастливой случайностью», стало поистине судьбоносным. Когда фрегат «Дартмут» приблизился к противнику, капитан корабля Т. Феллоуз отправил к турецкому брандеру несколько человек во главе с помощником капитана Фицроу с требованием, чтобы турецкие и египетские корабли отошли на большее расстояние от союзнических сил. Но турки попытались не дать англичанам приблизиться и открыли огонь из орудий. Парламентер был убит, «Дартмут» открыл ответный огонь, и завязался бой. Французский флагманский корабль «Сирен» был обстрелян египетским фрегатом «Исмина», после чего вице-адмирал де Реньи приказал открыть огонь из всех орудий по вражеским судам. Через несколько секунд его приказ был выполнен. Английский адмирал Кодрингтон послал греческого лоцмана Петроса Микелиса и еще несколько человек на корабль египетского командира Мухара-бея, чтобы объяснить ему, что цель союзников состоит не в потоплении турецко-египетского флота, а в том, чтобы заставить его покинуть Наварино и отплыть на свои базы в Дарданеллах и Александрии. Однако египтяне убили отправленного Кодрингтоном греческого парламентаря, и спустя несколько секунд египетское судно было потоплено французским флагманским кораблем «Азия». После этого стало ясно, что масштабного сражения не избежать. Через некоторое время к месту боевых действий приблизился и русский флот во главе с флагманским судном «Азов». Это укрепило моральный дух союзников, а пушечные залпы стали раздавать еще чаще.

Около 18:00 8 (20) октября 1827 года сражение закончилось. Бой продолжался четыре часа и стал еще одним доказательством превосходства европейского флота. Из 89 турецко-египетских кораблей 60 были уничтожены или потоплены, а остальные – причалили к берегу, получив

значительные повреждения. Людские потери турецко-египетских войск составили 6 тыс. убитыми и 4 тыс. ранеными. Союзники не потеряли ни одного корабля, потери в живой силе составили 174 убитыми и 475 ранеными.

Греками известие о победе над турецко-египетским флотом было встречено с большим ликованием: они осознали, что день их освобождения уже близок.

Графическое воспроизведение Наваринского сражения / Γραφική αναπαράσταση της Ναυμαχίας του Ναυαρίνου

Постоянные контакты между двумя народами обусловили и определенное культурное влияние России на Грецию. Так, пребывание русского флота на Поросе, где в первые годы после освободительной революции находилась российская морская база и оказывала содействие в расправе с антиправительственными мятежами, в значительной мере трансформировало жизненный уклад острова. Описывая свои впечатления от посещения Пороса, российский дипломат с греческими корнями Константин Базили отмечал:

... Можно считать Порос русским городком, а Мореи́ский берег – цветущею деревнею полуденной России. Жители почти все

понимают наш язык, и много молодых пориотов свободно говорят по-русски. Их дружеские связи с нашими матросами начались с того дня, когда первые русские, прибывшие в Порос, вместо дальних предисловий и рассказов с пориотами, снимали фуражку, крестились приговаривая: «Грек – христианин, русский – христианин» - и дружески обнимались, как дети одной церкви, и пенный кубок краси (вина – Ф.Я.) запечатлевал братский союз.¹⁵

Путешественники отмечают, что в первые годы после революции греки, в том числе и самые низы общества, проявляли огромный интерес к России, хотя зачастую у них были довольно-таки своеобразные представления об этой далекой стране. Дипломат Орлов-Давыдов пишет, что во время его пребывания в небольшом городке Андрицена в Аркадии, на русского гостя пришли посмотреть толпы любопытных греков, «расспрашивавших меня о России, например, родятся ли в ней двуглавые орлы», и он же продолжает «печать с двуглавым орлом, приложенная к моему паспорту, доставила мне всевозможное уважение со стороны городского начальства, и оно откомандировало нарочного чиновника для нужных приготовлений к моему дальнейшему путешествию».¹⁶ Российский путешественник Орлов-Давыдов, предпринявший путешествие по Греции в 1835 году.

Можно говорить и о достаточно сильном политическом влиянии России на внутривосточную жизнь Греции в рассматриваемый период. Русские путешественники отмечают, что при принятии многих решений, причем, не обязательно на самом высоком уровне, греки действовали с оглядкой на Россию. Так, например, Базили пишет, что когда на Поросе произошел антиправительственный мятеж, присутствовавший на русском корабле греческий офицер, «объясняясь простым языком чувства, он заклинал адмирала не относить к бесчестию греческого народа безумной шалости толпы бунтовщиков. Притом, задумавшись, приговаривал: что скажут в

¹⁵ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Ч. 1. Спб., 1834. С. 79.

¹⁶ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Часть 1. Спб., 1839. С. 58.

России?»¹⁷ Русское влияние несколько ослабло после смерти Каподистрии, однако по-прежнему оставалось достаточно сильным. Влияние так называемой «русской партии», которую составляли сторонники ориентации на Россию, заметно усиливается во второй половине 1830-х гг. и до конца десятилетия она будет играть ключевую роль в определении политики короля Оттона.¹⁸ Характерно, что даже когда влияние «русской партии» ослабевает в начале 1840-х гг., многие политические силы в Греции по-прежнему не решались действовать самостоятельно, без предварительного одобрения России. Так российский дипломат описывает, как во время восстания 3 сентября 1843 года, результатом которого стало принятие конституции, мятежники, предводимые генералом Димитриосом Калергисом, «не хотели действовать, не быв наперед уверенными в предварительном согласии и одобрении России». При этом, дипломат отмечает, что Калергис, не будучи уверенным, что Россия поддержит его замыслы, прибег к обману:

В ночь на 3 сентября (1843 г.) заговорщики, расхаживая по улицам Афин, подошли к дому русского посланника, где тогда был большой званый вечер, и послали своего предводителя еще раз спросить его мнения насчет их предприятия. Каллерджи (Калергис – Ф.Я.) вошел в залы, походил несколько минут между гостями, не перемолвил ни одного слова с хозяином, сидевшим за картами, и возвратившись к своим, лукаво сказал, от его имени, роковое «да». На другой день г. Катакази (наш тогдашний посланник), - во избежание кровопролития и в предупреждения дальнейшего развития революции, грозившей принять ужасные размеры и ниспровергнуть самый трон короля Оттона, - должен

¹⁷ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах. Ч. 2. Спб., 1834. С. 84.

¹⁸ Подробнее о «русской партии» см.: Мисюревич О.Е. Становление национального государства в Греции: «Русская партия» в 1837–1844 гг. М., 1997.

был волей и неволей, вместе с прочими иностранными представителями признать совершившийся переворот.¹⁹

Эллинизм и филэллизм в России исконно являлись огромным потенциалом, способствующим процветанию, сплочению греческой общины в России, с одной стороны, сохранению ее идентичности и самосознания, а также процветанию греческого государства и развитию двусторонних российско-греческих отношений, как на официальном, межгосударственном уровне, так и на уровне межличностных отношений, отношений простых людей. Эллинизм и филэллизм в России являются залогом преемственности в отношениях двух близких, духовно и ментально, народов.

В этом контексте кажется уместным привлечь небольшой отрывок из воспоминаний российского путешественника Александра Милюкова, посетившего Афины в 1857 году, который, на мой взгляд, очень удачно отражает отношение греков к России и к россиянам. При этом следует отметить, что 1857 год – это время после окончания Крымской войны, когда греческая политическая элита все сильнее ориентируется на запад, а влияние России на Балканах ослабло.

Милюков описывает, как, прогуливаясь недалеко от Акрополя и разговаривая со своим греческим собеседником по-французски, ему довелось встретить старого пастуха. Старик сначала подумал, что путешественник был из Германии, однако после того как пастух узнал, что Милюков приехал из России, «нахмуренное лицо старика прояснилось». Далее автор пишет: «Россос!- проговорил старик, прикладывая руку к сердцу, - садись, садись! Русские наши гости! Русские наши братья!»²⁰ Аналогичную сцену своей встречи с греческими крестьянами описывает и некий русский путешественник Л.А.Бенике, посетивший Грецию более

¹⁹ С.Н. Письма о Греции в 1865–67 годах. СПб., 1869. С. 86.

²⁰ Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. СПб., 1859. С. 53.

чем полвека спустя: «Узнав, что я русский, они обрадовались и заявили, что они русских считают братьями».²¹

Мне кажется, что эти слова греческого пастуха 1857 года характеризуют отношения двух наших народов, в первую очередь на межличностном уровне, на уровне простых людей, вне зависимости от политической конъюнктуры и целесообразности.

²¹ Бенике Л.А. Поездка в Грецию. Харьков, 1915. С. 28.